

УДК 39(470+571)(063)

X КОНГРЕСС ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ

Со 2 по 5 июля в г. Москве состоялся юбилейный X Конгресс этнографов и антропологов России. Открыл Конгресс председатель Ассоциации этнографов и антропологов России директор Института этнологии и антропологии РАН академик В. А. Тишков воспоминанием об истории научного форума: *«Двадцать лет назад на одной из старниц р. Ока примерно девяносто человек задумали организовать антропологический конгресс. Покопив местных комаров, мы сделали одно очень важное дело – учредили профессиональную Ассоциацию этнографов и антропологов России. Тем самым мы ввели важную традицию дисциплинарных научных конгрессов»*. В. А. Тишков подчеркнул важность того, что пленарное заседание Конгресса проходит в главном здании РАН в большом зале «Наука». Российская Академия наук – старейшее научное учреждение страны, которое создал Петр Великий. Этнографическая дисциплина имеет прямое отношение к основанию Академии – ведь ее начало было положено Кунсткамерой, собранием различных «курьезов», в том числе этнографических коллекций.

«Российская Академия наук, – сказал В. А. Тишков, – это культурная ценность, созданная многими поколениями россиян. Это великий бренд нашей науки и народа. Знаменательно, что X Конгресс совпал с юбилеем основного этнографического научного учреждения страны – Институту этнографии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭА РАН) исполнилось 80 лет. Институт проводит и координирует очень важные для нашего государства исследования. Россия – страна многонациональная. Необходимо, чтобы широкая аудитория знала, кто мы и откуда. Мы владеем великим богатством – этнокультурным разнообразием народов. Культурные, этнические и религиозные различия волнуют нас и как историческое прошлое, и как реалии современности. Установка на изучение межэтнических и межкультурных взаимодействий является важным способом установления мира и согласия в обществе».

В работе Конгресса приняли участие более 800 ученых, в том числе более 200 человек из зарубежных стран, включая страны СНГ. Представленная тематика чрезвычайно широка: в рамках форума состоялось 40 симпозиумов, круглых столов, секций. Появились совершенно новые направления, которые в отечественной антропологии сформировались буквально в последние годы. Новационной является и центральная тема Конгресса «Современный город и социально-культурная модернизация России». В центре внимания находятся этнокуль-

турные процессы, протекающие в крупных городах и мегаполисах.

С теплыми словами и пожеланиями успешной работы к участникам Конгресса обратились официальные лица: заместитель руководителя администрации Президента Российской Федерации М. М. Магомедов огласил приветствие В. В. Путина; собравшихся поздравили А. В. Журавский, директор Департамента межнациональных отношений Министерства регионального развития РФ; Ю. В. Артюх, руководитель Департамента межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями г. Москвы; С. К. Смирнова, первый заместитель председателя общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России».

Пленарные доклады были посвящены актуальным этническим проблемам современности. В. Ю. Зорин (заместитель директора ИЭА РАН, член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям) отметил: «Мировые тенденции таковы, что межэтнические противоречия нарастают. Происходит это на фоне углубления экономического кризиса и увеличения потока мигрантов. В России сохраняется тренд усиления межэтнической напряженности на Северном Кавказе, в Южном федеральном округе, Поволжье. Ситуация управляемая, но имеет стабильный конфликтогенный потенциал. При этом агрессия не имеет конкретного адреса, она концентрируется на социально-болевыми точках. Экстремизм и ксенофобия свойственны многим странам со сложным этническим составом. В России нет почвы для таких конфликтов. Они возникают там, где плохая социальная обстановка сочетается с плохим управлением».

Л. М. Дробижева (руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН) напомнила, что ранее социологи полагали: этничность в городской среде будет угасать. Так, в частности, думал М. Вебер. Но этого не произошло. Возникает вопрос: почему и как этничность проявляется в городской среде. По результатам междисциплинарного исследования в рамках проекта «20 лет реформ» оказалось, что в мегаполисе этнические связи ощущаются сильнее, чем в областных центрах или в сельской местности. Выяснилось, что этническая идентичность не связана напрямую с экономическим положением, люди и при хорошем благосостоянии не забывают о своей этничности. Человек испытывает потребность ощущать себя частью своего этноса. При этом именно в городской среде микроидентичности чаще всего множественны и сочетаются различным образом: «несколько свечей одновременно горят в городе».

Немецкий исследователь Г. Шлее (Институт исследования общества им. Макса Планка) изучал коллективную идентичность берлинцев – иммигрантов из стран Африки (Гана, Сомали). Главная их характеристика состоит в том, что они не являются членами общества большинства. Эти объединения имеют собственную структуру или субструктуру, которая формируется в зависимости от политической системы страны выхода, принятых жизненных стилей, религиозной принадлежности. Каждая группа подразделяется на подгруппы. Основная цель исследования – понять, как люди принимают решение общаться внутри или вне группы. Определяющее значение имеет ее размер – крупные группы медленнее интегрируются в принимающие сообщества, поскольку размеры групп позволяют организовать общение внутри себя, а это замедляет интеграцию. Например, браки заключаются внутри группы, что является важной частью социализации. Если же группа мала, возникают различные варианты взаимодействия, происходит либерализация границ. При этом некоторые групповые характеристики отбрасываются.

Антрополог из Великобритании Д. Андерсон (Абердинский университет, Шотландия) выступил с критическим переосмыслением концептуализации предмета этнографии в городе. Он подчеркнул, что именно в городских лабораториях кристаллизовались правила и рамки этнографии. Антропологическое знание чаще всего добывается вне города, но возникает лишь тогда, когда рассказ о нем «привозится домой». Здесь оно изменяется и адаптируется с учетом воспринимающей аудитории. Можно сказать, что этнографический опыт – это опыт одиночки, но этнографическое знание формируется в коллективе, представляя собой консенсус взаимно приемлемого и понятного. Таким образом, существует некий зазор между тем, что непосредственно пережито «в поле» и тем, что можно «принести домой». Это своеобразное антропологическое антрепренерство имеет большое влияние как на научный дискурс, так и на представления и практики внегородских сообществ.

М. Л. Бутовская (ИЭА РАН) посвятила доклад исследованию агрессии и школьной травли (буллинга) в условиях современного города. Агрессия – инструмент, обеспечивающий успех в борьбе за ресурс и статус. Буллинг – это разновидность агрессии в косвенной форме. Буллинг направляется в наиболее уязвимые места жертвы, серьезность наносимого ей ущерба не заметна окружающим, поэтому школьная травля чаще всего протекает скрытно. Анализ показал, что около 13% детей активно используют буллинг. М. Л. Бутовская подчеркивает, что в российских школах целесообразно вводить программы по предотвращению буллинга, как это делается на Западе.

На секции № 15 «Городской образ жизни коренных малочисленных народов Севера: феномен и методы его анализа» выступили более 30 докладчиков. Ведущий Д. А. Функ (ИЭА РАН) отметил, что

идея данной секции родилась в Оренбурге. «Мы, этнографы, едем из города в группы, находящиеся за его пределами. Мы делаем так просто по привычке, привыкли за двести лет. Но этнические группы существуют и в городском пространстве. Групп много, они могут быть разными. Город шире, чем сообщества, которые мы хотим в нем найти. Многие общности людей в городе складываются спонтанно и ситуативно – скажем, сообщество безбилетников, группа пассажиров троллейбуса. Эти группы имеют свои социокультурные черты, в них протекают определенные процессы. Но в исследовании таких групп антропологи заметно отстали от социологов. Кроме дисциплинарного, есть и разрыв между национальными школами. На Западе антропологические исследования города начались в 60–70-е гг. XX в., а у нас лишь в последние годы. Скажем, к началу 2001 г. городской антропологии в сибирской этнографии не было. Но ситуация стремительно меняется. В последнее время резко увеличилась численность аборигенов-горожан. Инфраструктура во многих регионах изменилась необычайно. В некоторых местах поехать в тайгу означает просто взять такси и поехать на окраину города. Если в 1990-х гг. полевые исследования можно было вести без предварительной договоренности, то сейчас с информантами-аборигенами нужно предварительно созваниваться. Исследование всех этих аспектов аборигенного образа жизни в условиях города является насущной задачей современной этнологии».

П. Швайтцер (Венский университет, Австрия) изучал роль больших и малых городов в воспроизводстве культур коренных народов Аляски, Северной Америки и Гренландии. Он отметил, что в рамках теории модернизации существовал подход, согласно которому абориген переезжал в город и становился другим, культура аборигенов в городе заканчивалась. Сейчас утвердился более реалистичный взгляд на этот процесс. Исследователь разделяет небольшие поселения и крупные города (таун и сити), выполняющие разные функции. Поселок и город связаны обменными связями: продукция идет из поселка в город и наоборот. Поселок не может существовать без города. Но может ли город (то есть городская аборигенная культура) существовать без поселка, т. е. без своеобразной подпитки снизу? При исследовании подобных процессов в России П. Швайтцер предлагает применять подходы манчестерской школы, представители которой изучали процессы урбанизации в Африке. Между ними много общего, поэтому надо преодолевать предубеждения, что между Россией и Африкой не может быть никаких аналогий.

В центре внимания Н. И. Новиковой (ИЭА РАН) оказались аборигены о. Сахалин, жители г. Поронайска. Поронайск определен как сельский город, для аборигенов жизнь в нем не приводит к изменению привычного уклада. При этом город разделен на две части, что создает резкие границы между аборигенным и неаборигенным населением. Большинство аборигенов живет на о. Сачи, но между

основной частью города и островом нет моста. Сачи – это другой мир, уровень жизни здесь существенно ниже. На острове самое бедное коренное население. Но уже после Сачи начинаются «26 километров благополучных аборигенов», к которым относятся жители другой части города.

Е. В. Лярская (Европейский университет, г. Санкт-Петербург) в докладе «Где живут настоящие ненцы?» описала современную ситуацию в ямальской тундре. В середине XX в. здесь насчитывалось 5 тыс. аборигенов (в основном ненцев), практически все они были кочевниками-оленеводами. Кочевать с оленями считалось престижным, тогда как оседлая жизнь оценивалась как менее успешная. На сегодня численность ненцев увеличилась в два раза, при этом половина из них проживают оседло в поселках. Оседлая жизнь столь же престижна, как и кочевая. Она позволяет варьировать жизненные сценарии. Общество, состоящее из этих групп, подобно человеку, стоящему на двух ногах. Обе части не изолированы друг от друга, они взаимосвязаны, каждый оленевод имеет «своего человека» в поселке. Если такого человека нет, то тундровику приходится плохо. Дети, обучающиеся в интернатах, являются своеобразными посредниками между этими частями этноса.

О городском образе жизни чукчей на примере региональной общественной организации «Родное слово» рассказала В. В. Голбцева (СВКНИИ ДВО РАН). Эта организация работает в г. Анадыре с 1994 г., ведет активную работу по сохранению и популяризации чукотского языка и литературы, народной культуры и традиций.

А. Венцель (Тартуский университет, Эстония) изучал молодежную субкультуру рэперов Якутии. Жанр хип-хопа в Якутии зародился как голос городской молодежи, имевшей слабую эмоциональную связь с традиционной сельской культурой саха. Вопреки мнению официальных лиц, что хип-хоп «генетически» не подходит якутам, эта субкультура в настоящее время представлена очень широко.

О. П. Коломиец и Н. И. Вуквукай (СВКНИИ ДВО РАН) представили доклад, посвященный анализу современных процессов, происходящих у коренного населения Чукотки в условиях города (на примере центра ЧАО). Авторы отметили, что основными факторами оттока аборигенов в город являются социальные причины. Встает вопрос: можно ли сохранить самобытную культуру чукчей, эскимосов и других аборигенов Чукотки в условиях современного, динамично развивающегося города.

Альтернативные формы образования в виде кочевых и полукочевых школ в Ямало-Ненецком автономном округе исследовала А. Н. Терехина (ИЭА РАН). Основной целью внедрения этих форм является помощь коренным жителям в сохранении их традиционных ценностей.

В работе круглого стола № 3 «Антропология путешествий: мотивы, персонажи, трансграничье» приняли участие более 30 антропологов. Руководитель А. В. Головнев (Институт истории и археологии

УрО РАН) обозначил направления в обсуждении этой темы. Путешествие в самом широком смысле – освоение чужого пространства и чужих неведомых путей. Но любое ли движение в чужом пространстве является путешествием? Ситуативно, гендерно, возрастно – одни люди склонны к нарушению границ, другие – к их соблюдению. Выход за пределы нормы является патологией по отношению к традиции. Что же гонит людей за пределы домашности? Путешествие, или состояние пути, сопровождает человека с момента его появления, движение – есть состояние генерирования «сапиенса». Такой «хомо мобилис» являлся носителем рефлексии, осваивал сложный человеческий опыт. Само путешествие – это преобразование, инициация, превращение. Путешествие – путь самого человека. Мотивы выхода многоплановы, они ориентированы на поиск, повторение подвига, движение по мифу, паломничество как традицию, странничество как состояние. Современный же человек сочетает физическую оседлость с виртуальной мобильностью. Сегодня движущийся человек – это сидящий менеджер с мобильным телефоном. Изменилась ментальность – каждый может и даже должен быть путешественником. Вся цивилизация оказывается состоящей из путешественников.

Д. Н. Замятин (НИИ культурного и природного наследия) отметил в качестве современной тенденции расширение понятия путешествия. Мы соотносим путешествие с движением, они связаны, но не всегда совпадают. Статус движущегося человека не является определяющим в отношении того, путешественник ли он. Например, турист просто «потребляет» посещаемые места. Самое главное – это психологическая, ментальная установка: можно быть в командировке и ощущать себя путешественником. Путешествие – не только физическое, но и ментальное состояние. Это телесное движение, которое имеет метафизическую подоплеку. Путешествие – образ, метафора. Это неизбывная экзистенция, связанная со всей человеческой историей. Путешествие – это надежда, что человек сохраняется, движется, и это будет продолжаться.

В докладе «Место как объект желания» М. Ю. Тимофеев (Ивановский государственный университет) рассмотрел путешествие как перемещение во что-то ведомое и во что-то неведомое. В место, знания о котором недостаточны. Это несовпадение создает некий желаемый образ места, которое хотелось бы посетить. Структуры желания проецируются на процессы миграции, паломничества и туризма. Миграция – выход туда, где хотелось бы жить. Исполнением мечты мигранты оправдывают свое присутствие именно в данном месте. Туризм можно рассматривать как приближение к объекту желания. Цель паломничества – припасть к святыням. Путешествие в любой форме рассматривается как преобразование самого себя, некий обряд перехода.

И. О. Сид (Крымский геопоэтический клуб) считает, что путешествие – это напряженная интеллектуальная практика. Покупая тур, люди не соверша-

ют интеллектуального труда, следовательно это не путешествие. Но все же любое перемещение в потенциции может стать путешествием, если на долю движущегося выпадают испытания, своеобразная инициация. Докладчик рассмотрел такое явление, как «сенильный», или «послепенсионный» туризм. Пенсионеры-путешественники всю жизнь зарабатывали, чтобы получить достойную пенсию, и тогда они уже путешествуют до конца. Два выбора конца у таких людей – престарелый путешественник типа «Агасфер» («смерти не существует»), отрицание смерти путем ежедневных приключений, инициаций. Противоположный тип – авантюрист Август Бенёвский. Экстрим – человек на себя привлекает смерть, чтобы ее ускорить. Персональная эсхатология, которую все больший процент людей выбирает для себя сегодня. Люди хотят умереть в пути. Ничего, кроме путешествия, не остается.

Л. Н. Хаховская (СВКНИИ ДВО РАН) рассмотрела этнические, социальные и политические аспекты советско-американских связей в форме экспедиций и путешествий между Чукотской и Аляской, активно проводившихся в период перестройки и гласности. Экспедиции обязательно носили экстремальный характер: расстояния преодолевались на собачьих упряжках, лыжах, байдарках и даже вплавь (знаменитый заплыв Линн Кокс). Столь же экстраординарно преодолевались идеологические и административные барьеры: Чукотка в это время была передним краем экспедиционной «народной дипломатии». Посредством анализа состава участников данных экспедиций прослежены пути мобилизации этнического фактора в снятии границ: наряду со знаковыми путешествующими фигурами (П. Шурке, Д. Шпаро) обязательно участие коренных жителей, прежде всего эскимосов, как «объединительного» этноса.

На круглом столе № 2 речь шла о диалоге российской и западной антропологий. Д. В. Арзютов (МАЭ РАН) и Д. Андерсон в рамках сравнительного анализа различных антропологических традиций, антропологий на примере концепции этничности рассмотрели концепцию этноса С. М. Широкогорова и ее распространение за пределы России и Китая. В центре внимания история таких понятий как этнос и этногенез. Отмечено, что порой очень схожие антропологические концепции складываются в различных традициях, одни и те же концепции могут переводиться на разные дисциплинарные языки. Таким мостиком можно рассматривать 1920-е гг. Множество событий разного уровня способствовали рас-

пространению идей С. М. Широкогорова в Европе и даже Южно-Африканской Республике.

П. Швайтцер задался вопросом: насколько отличается российский Север от того образа Арктики, который сложился в результате социальных исследований под патронатом Арктического Совета. Арктика сегодня стала другой, это новая Арктика. Это место для геополитики и борьбы за ресурсы. Но Россия не доминантный игрок на этом поле, Россия не входит в этот имидж Арктики. Причина в том, что российская Арктика слишком другая, она намного отличается от того, что можно предлагать в качестве приемлемого образа некоей гомогенной Арктики. Антропологи хотят писать о позитиве, они сосредоточиваются на одном примере. Требование сравнительности хотя и существует, но на деле применяется слабо. Арктика презентуется как единое пространство, это исходная позиция. В итоге генерализации выглядят так, что обобщается прежде всего канадский, отчасти норвежский опыт. Но если использовать российский опыт Севера, то все отчеты выглядели бы по-другому.

П. Грэй (Ирландский национальный университет) рассмотрела одну из популярных тем в концепции «развития регионов» – вопрос изучения масштабного вмешательства представителей одного общества в жизнь другого и их попытки усовершенствования этого общества. По мнению исследователя, эта тема никогда не рассматривалась в рамках российской антропологии. Если на материалах Центральной и Южной Америки, Африки, Южной Азии эти проблемы изучаются, то российские Север и Сибирь остаются в тени. П. Грей считает, что одной из причин является нежелание северных стран признавать друг перед другом необходимость развития своих северных регионов. Они убеждены в том, что глобальный Север уже достаточно развит и направить усилия надо на менее успешный глобальный Юг. Научные споры между российскими и западными учеными коренятся в неспособности решить вопрос: кто имеет право заниматься развитием Крайнего Севера.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы X Конгресса, переизбран состав исполнительного комитета Ассоциации этнографов и антропологов России, принято решение о проведении очередного Конгресса в г. Екатеринбург.

Поступила в редакцию 24.07.2013 г.

*Л. Н. Хаховская, СВКНИИ ДВО РАН
им. Н. А. Шило, г. Магадан*

10TH CONGRESS OF RUSSIA'S ETHNOGRAPHERS AND ANTHROPOLOGISTS

L. N. Khakhovskaya